

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

УДК 332.12

Л. В. Боровская

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ И ОСОБЕННОСТИ ТРАЕКТОРИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация: цель. Анализ особенностей формирования институциональной среды и выявление специфики траекторий социально-экономического развития Российской Федерации и Украины в условиях трансформационных процессов.

Обсуждение. Для анализа особенностей формирования институциональной среды были включены помимо экономических такие показатели: индекс развития человеческого потенциала; индекс восприятия коррупции; индекс экономической свободы; ожидаемая продолжительность жизни населения; удельный вес населения старше 65 лет; уровень самоубийств населения; уровень грабежей населения. Для анализа социально-экономических трансформаций в результате перехода Республики Крым в состав Российской Федерации исследованы процессы, которые протекали ранее (1990—2015 гг.) и позволили сформировать существующую среду для социально-экономического развития государств. Установлено, что социально-экономические преобразования в государствах с командно-административной экономикой после прохождения первой точки бифуркации характеризуются весьма неоднозначными результатами. Абсолютным лидером, как в сфере экономических показателей, так и индикаторов качества жизни населения является Эстония, недалеко от нее отстали и другие государства Балтии, значительно опережая по многим показателям остальные государства.

Выводы. Проведенный анализ показал, что сравнение базовых экономических показателей Российской Федерации и Украины показывает, что в обоих государствах сформировалась идентичная экономическая модель, где основным сектором экономики является сфера услуг, в целом она может быть описана межсекторальной схемой «15-25-65». При этом социально-экономическое развитие Российской Федерации по сравнению с Украиной не только характеризуется более высокими значениями показателя ВВП на душу населения (по ППС) и индекса развития человеческого потенциала на конец анализируемого периода, но и лучшей динамикой.

Ключевые слова: точка бифуркации, институциональная среда, социально-ориентированная смешанная экономика, индекс развития человеческого потенциала.

UDC 332.12

L. V. Borovskaya

THE FORMATION OF THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT AND CHARACTERISTICS OF THE TRAJECTORIES OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE COUNTRIES IN THE FORMER SOVIET UNION

Abstract: purpose. The article analyzes the peculiarities of the formation of the institutional environment and identifies the specific trajectories of the socioeconomic development of the Russian Federation and Ukraine under the conditions of transformation processes.

Discussion. In order to analyze the specifics of the formation of the institutional environment, in addition to economic such indicators were included: the human development index; index of perception of corruption; index of economic freedom; expected life expectancy of the population; the

proportion of the population over 65; the level of suicide of the population; level of looting of the population. For the analysis of social and economic transformations as a result of the transition of the Crimean Republic to the Russian Federation, the processes that took place earlier (1990—2015) and allowed to form an existing environment for the social and economic development of states were investigated. It is established that the socioeconomic transformations in the states with the command and administrative economy as a result of the passage of the first point of bifurcation are characterized by very mixed results. Absolute leader, both in the sphere of economic indicators and indicators of the quality of life of the population, is Estonia, not far behind it, and other Baltic states, far ahead of other countries in many respects.

Results. The analysis showed that a comparison of the basic economic indicators of the Russian Federation and Ukraine shows that in both countries a similar economic model has formed, where the main sector of the economy is the service sector, and in general it can be described by the intersectoral scheme «15-25-65». At the same time, the socioeconomic development of the Russian Federation in comparison with Ukraine is not only characterized by higher values of the GDP per capita (PPP) index and the human development index at the end of the analyzed period, but the better dynamics it.

Key words: bifurcation point, institutional environment, socially-oriented mixed economy, human development index.

Введение

Институциональные трансформации представляют собой институциональные изменения, связанные с процессами перехода национальной экономики от одного типа или подтипа экономической системы. В первом случае институциональные трансформации являются более глубокими и затрагивают изменения основных элементов экономической системы.

В конце 80-х — начале 90-х годов XX века постсоциалистические государства Европы и бывшие республики СССР с разной успешностью провели институциональные трансформации на пути перехода от командно-административной экономики к социально ориентированной смешанной экономике (европейского типа). В отдельных государствах сформировались особые подтипы смешанной экономики, и поэтому имеют место или запланированы дальнейшие трансформации от одного подтипа смешанной экономики к другому.

В ходе исследования были использованы идеи и концептуальные подходы к формированию механизмов управления социально-экономическим развитием регионов, в том числе с учетом институциональных изменений, содержащиеся в трудах Ю. Вертаковой, Е. Исаевой, М. Литовкина, В. Майоровой, Л. Никитиной, И. Рисина, М. Табачниковой, Ю. Трещевского, Г. Франовской [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10] и других исследователей.

Целью данной статьи является исследование особенностей траекторий социально-экономического развития Российской Федерации и Украины в результате трансформации экономической системы в ключевом формировании институциональной среды.

Траектория социально-экономического развития России в постсоветском пространстве

При проведении исследования результатов прохождения первой точки бифуркации, когда и определился тренд на социально-экономические трансформации, связанные с переходом от командно-административной к социально-ориентированной рыночной экономике используется следующая методология.

1. Во многом, логика проведения исследования напрямую связана с методологическим аппаратом новой институциональной экономической теории. В частности, учитываются особенности институциональной среды, неформальных правил, национального менталитета, восприимчивости к коррупции и других факторов, которым традиционно уделяют огромное внимание неинституционалисты. Поэтому, наряду с экономическими показателями, в исследовании включены и различные показатели институциональной среды и качества жизни такие как:

- индекс развития человеческого потенциала;
- индекс восприятия коррупции;

- индекс экономической свободы;
- ожидаемая продолжительности жизни населения;
- удельный вес населения старше 65 лет;
- уровень самоубийств населения;
- уровень грабежей населения;

2. При этом исследование траекторий социально-экономического развития в результате принципиально схожих преобразований, имевших место в основном в первой половине 1990 годов, позволяют оценить результативность последних. Однако для обеспечения большей объективности анализа в исследование включены поначалу все пятнадцать бывших республик СССР. Их можно определить в три условные группы в основном по географическому признаку: 1) государства Балтии: Латвия, Литва, Эстония; 2) государства Кавказского региона: Азербайджан, Армения, Грузия 3) государства Восточной Европы: Беларусь, Молдова, Российская Федерация, Украина, а также Казахстан; 4) государства Центральной Азии (не включая Казахстан). Впоследствии исследование будет проводиться на основании статистических данных одиннадцати государств, входящих в первые три группы.

Принимая во внимание особенности национальной статистики и возможное методологическое расхождение национальных статистических стандартов, при исследовании использовались агрегированные статистические данные Мирового банка и глобального статистико-аналитического ресурса Theglobaleconomy.com.

Ученые, исследовавшие процессы трансформации командно-административной плановой к социально-ориентированной смешанной экономике выделяют два взаимосвязанных этапа (стадии), которые проходит экономика в рамках ее: трансформационный спад и восстановительный рост [11, с. 367—369; 12, с. 54]. Трансформационный спад завершился во многих постсоциалистических странах во второй половине 90-х годов XX века [13, 14]. Восстановительный рост в Российской Федерации, Украине и других постсоветских государствах завершился осенью 2008 года, в связи вступлением экономики данных государств в стадию экономического спада, совпавшего во временных рамках с миро-

вым финансовым кризисом 2007—2009 гг. [15, с. 114—115].

В результате трансформационных процессов кардинально изменяются базовые «правила ведения игры», появляются новые нормы и процедуры, которых ранее не было, или которые пришли на смену старым. В новой институциональной теории содержится положение о существовании определенного дуализма в быстроте изменений формальных и неформальных институтов. Если первые можно изменить достаточно быстро, то вторые являются достаточно устойчивыми во времени и изменяются достаточно медленно [15, с. 117].

Восстановительный рост, также как и трансформационный спад может быть достаточно длительным во времени. Причем, если экономика государства более всего подверглась негативному влиянию трансформационного спада, то на стадии восстановительного роста она может показывать самые высокие результаты. Вместе с тем, само по себе, завершение стадии восстановительного роста не является индикатором того, что трансформационные преобразования от командно-административной к социально-ориентированной смешанной экономической системе завершены [15, с. 119].

Поэтому для анализа социально-экономических трансформаций в результате перехода Республики Крым в состав Российской Федерации необходимо изучить процессы, которые протекали ранее и позволили сформировать существующую среду для социально-экономического развития государств [16].

Исследуем двадцатипятилетнюю историю социально-экономических преобразований в постсоветских государствах сквозь призму изменения самого популярного и довольно объективного (в меру своей субъективности) показателя развития — индекса развития человеческого потенциала (HDI) — на основе данных отчетов.

Для расчета индекса человеческого потенциала используется значительная информация, с различных сторон характеризующая процесс его накопления в результате длительного образования и получения сравнительно высоких доходов в течение продолжительной жизни. Поэтому исследование и расчеты проводятся с опозданием в 2—3 года. Нами обобщены данные от-

четов Программы развития ООН за 1992 (первый в истории подобный отчет по отдельным постсоветским государствам) и 2017 год об индексах развития человеческого капитала и ВВП на душу населения за 1990 и 2015 год [17]. Данные года выбраны по двум причинам. Во-первых, на момент проведения исследования это были, соответственно, первый и последний из опубликованных отчетов об индексах развития человеческого капитала. Во-вторых, в рамках рассматриваемого двадцатилетнего периода содержится период трансформационных преобразований, который включал сначала трансформационный спад, а после восстановительный рост. Поэтому можно сделать объективные выводы

об успешности реформ в рамках переходного периода в различных государствах. Также следует отметить, что общая методика расчета индекса развития человеческого потенциала претерпела существенное реформирование в 2010 году, в результате чего рейтинговые значения практически всех государств снизились. При этом общие принципы и основные этапы его расчета остались практически неизменными, а значит, динамическое сравнение показателей может не вполне отвечать происшедшим изменениям качества и уровня жизни, однако однопериодное межстрановое сравнение является вполне корректным и объективным. Подробная информация приведена в таблице.

Таблица

Динамика индекса развития человеческого потенциала в постсоветских государствах в 1990—2015 гг.

Государство	1990	1995	2000	2005	2010	2015
Азербайджан	-	0,609	0,640	0,688	0,741	0,759
Армения	0,632	0,605	0,648	0,695	0,721	0,743
Беларусь	-	-	0,683	0,723	0,786	0,796
Грузия	-	-	0,672	0,711	0,735	0,769
Казахстан	0,690	0,664	0,679	0,746	0,766	0,794
Киргизстан	0,615	0,562	0,593	0,614	0,634	0,664
Латвия	0,692	0,670	0,727	0,806	0,811	0,830
Литва	0,730	0,701	0,754	0,806	0,827	0,848
Молдова	0,652	0,594	0,597	0,649	0,672	0,699
Российская Федерация	0,729	0,697	0,717	0,750	0,783	0,804
Узбекистан	-	-	0,594	0,625	0,655	0,701
Украина	0,705	0,662	0,668	0,713	0,732	0,743
Таджикистан	0,616	0,539	0,535	0,579	0,608	0,627
Туркменистан	-	-	-	0,663	0,666	0,691
Эстония	0,726	0,719	0,780	0,824	0,838	0,875

Источник: составлено автором на основе данных [18]

На старте, в 1990 году можно выделить три группы государств, попутно заметив, что ни одно из них не характеризуется очень высоким уровнем развития ($HDI > 0,8$):

1) Литва, Российская Федерация и Эстония, которые характеризовались достаточно близкими показателями, около 0,73, что на тот момент оценивалось как высокий уровень;

2) Латвия, Украина, Грузия, Казахстан, Беларусь (по двум последним государствам данные за 2000 г.) имели показатели, близ-

кие к 0,7, что является нижней границей высокого уровня;

3) Молдова, Армения, Азербайджан и 4 среднеазиатских государства имеют значения в интервале от 0,62 до 0,65, что является нижней частью среднего уровня.

В 1995 году индекс развития человеческого потенциала всех без исключения государств (по которым данный показатель был рассчитан в 1990 году) снизился, однако уже в 2000 году он в государствах Балтии и Армении превысил значения 1990 года. Впоследствии значения данно-

го индекса только увеличивались во всех государствах.

После двадцатипятилетнего периода социально-экономических преобразований по состоянию на 2015 году появились государства с очень высоким уровнем HDI, а в целом можно условно выделить уже 4 группы:

1) Эстония, Литва и Латвия (очень высокий уровень развития), Эстония занимает 30 место в мире, более высокое, чем Венгрия и многие другие государства Центральной и Южной Европы;

2) Россия, Беларусь и Казахстан имеют значения индекса, близкие к 0,8, что является верхней границей высокого уровня;

3) Грузия, Азербайджан характеризуются показателями, близкими к 0,75, что является серединой высокого уровня, несколько ниже значение у Армении и Украины;

4) Молдова и среднеазиатские государства характеризуются значениями ниже 0,7, что является верхней границей среднего уровня, причем явным аутсайдером является Таджикистан.

Далее исследуем динамику важнейшего макроэкономического показателя, валового внутреннего продукта, рассчитанного по паритету покупательной способности, на душу населения. Именно данный показатель позволяет объективно провести межстрановое сравнение уровня социально-экономического развития государств.

Анализ динамики данного показателя позволил сделать выводы, что, несмотря на трансформационный спад первой половины 90-х годов, имеется долгосрочная тенденция к его увеличению во всех исследуемых странах. Пик падения приходится на вторую половину 90-х годов, после чего наблюдается среднесрочная тенденция к увеличению ВВП на душу населения (по ППС) за исключением мирового финансового кризиса 2008—2009 гг. Можно выделить пять государств, в которых исследуемый показатель был выше и в начале 1990-х годов и на конец исследуемого периода: государства Балтии, Казахстан и Российская Федерация. Однако разница между данными государствами и остальными существенно увеличилась. Также следует отметить, что из оставшихся государств, условной второй группы, наилучшую динамику показали Беларусь и Азербайджан, которые имеют средние показатели среди одиннадцати

государств. Среди государств, показавших наихудшую динамику показателя ВВП на душу населения (по ППС), находится Украина, причем она является единственным государством, для которого на протяжении исследуемого периода данный показатель снизился. Таким образом, если в начале периода проведения исследования ВВП на душу населения (по ППС) Российской Федерации превышал соответствующий показатель Украины в 2,2 раза, то к его концу разница составляла уже три раза.

Анализ данных удельного веса сектора услуг в структуре валовой добавленной стоимости позволяет утверждать, что сектор услуг является основой национальной экономики постсоветских государств, однако динамика добавленной стоимости, произведенной в нем, существенно отличается по ним. Так, к середине 1990-х годов явными лидерами были государства Балтии, причем среди всех отобранных государств лишь в Эстонии и Латвии данный показатель превышал 60 %. Наиболее высокая динамика изменений характерна для Грузии, где по сравнению с началом 1990-х годов данный показатель возрос с 20 % до 65 %. Значительная положительная динамика также характерна и для Армении, однако по сравнению с Грузией данный показатель не достиг порогового значения 60 %, который был преодолен большинством из постсоветских государств еще в середине 2000-х годов.

В целом на данный момент лишь в трех государствах (Азербайджане, Армении и Беларуси) удельный вес добавленной стоимости, произведенной в секторе услуг ниже 60 %. Если же сравнивать динамику данного показателя в Российской Федерации и Украине, то можно отметить существенную разницу на старте, когда соответствующий российский показатель превышал украинский на 20 п.п., и их выравнивание к 2005 году.

Далее исследуем динамику удельного веса промышленности в структуре валовой добавленной стоимости. Анализ динамики удельного веса промышленности в структуре валовой добавленной стоимости постсоветских государств позволяет утверждать, что лишь в Азербайджане он увеличился, причем резкий рост полностью совпадает с периодом относительно высоких цен на

нефть. В остальных государствах данный показатель либо остался практически неизменным, либо снизился. Именно последняя тенденция и характерна как для Российской Федерации так и для Украины. По данным за 2015 год государства находятся в середине выборки, а удельный вес промышленности в обоих составляет около 25 %. Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что межсекторальная структура экономики (сельское хозяйство — промышленность — сфера услуг) и Российской Федерации и Украины в настоящий момент описывается условной формулой «15-25-65».

Далее перейдем к рассмотрению двух важнейших характеристик сформированной институциональной среды, оказывающих важнейшее воздействие на траекторию социально-экономического развития государства, а именно: уровень коррупции в государстве и степень экономической свободы. Многочисленные исследования, оценивающие влияние данных характеристик на формирование долгосрочных трендов социально-экономического развития показывают, что его ключевая цель — высокий уровень жизни населения, находится в прямой зависимости от низкого уровня коррупции и высокого уровня экономических свобод. Поэтому в течение последних двух десятилетий данным характеристикам институциональной среды уделяется пристальное внимание исследований и широко применяются глобальные индексы, позволяющие их оценить: индекс восприятия коррупции и индекс экономической свободы.

Перейдем к исследованию динамики индекса восприятия коррупции в одиннадцати постсоветских государствах в 1995—2015 гг. (данный показатель начал рассчитываться только в середине 1990-х годов).

Анализ динамики данного индекса показывает, что имели место различные тенденции, характеризующие динамику индекса восприятия коррупции, в результате чего сформировалось две группы государств: 1) государства Балтии и Грузия; 2) остальные семь государств. Пример Грузии наглядно показывает, что действенная борьба с коррупцией может в сравнительно короткий промежуток времени значи-

тельно улучшить ситуацию. Абсолютным лидером по-прежнему является Эстония, значительно опережающая другие страны. Также важно отметить, что в отличие от динамики индекса развития человеческого потенциала, индекс восприятия коррупции в большинстве постсоветских государств практически не изменился и характеризуется значениями, порой значительно меньшими середины области допустимых значений. И для Российской Федерации и для Украины высокая коррупция, проявляющаяся в достаточно низких значениях индекса восприятия коррупции, является негативной характеристикой социально-экономического развития. И если, как показали результаты предыдущего анализа, российский ВВП на душу населения значительно вырос в условиях достаточно высокого уровня коррупции, то в Украине этого не произошло.

Анализ динамики показателя индекса экономической свободы позволяет сделать вывод о том, все постсоветские государства достаточно равномерно распределены в пределах значений от «50» до «75».

Вместе с тем, имеет место явно выраженная тенденция к улучшению данного показателя во всех странах. Лидерами, как и в предыдущем случае, являются государства Балтии и Грузия. Украина отстает от других государств, имея самый низкий показатель, а Российская Федерация находится на предпоследнем месте по результатам отчета за 2017 год.

В заключение исследования проанализируем группу качественных показателей, характеризующих продолжительность жизни, уровень преступности и т. п.

Анализ динамики продолжительности жизни при рождении позволяет утверждать, что абсолютным лидером и по данному показателю, причем с большим преимуществом, является Эстония, где ожидаемая продолжительность жизни составляет около 78 лет. Российская Федерация и Украина имеют схожие показатели, несколько превышающие 72 года, и, наряду с Молдовой находятся внизу выборки. Также отчетливо видно, что начиная со второй половины 2000 годов ожидаемая продолжительность жизни начинает увеличиваться во всех государствах, причем Казахстану, долгое время имеющему вместе с Российской Федера-

цией самые низкие значения данного показателя, удалось его существенно улучшить.

Еще одним важным демографическим показателем, предопределяющим последующие тенденции социально-экономического развития государства, является удельный вес населения старше 65 лет. С одной стороны, его увеличение отражает высокую продолжительность жизни населения (в случае, если это действительно так), а с другой, свидетельствует о нарастании демографических и социально-экономических проблем, связанных со старением населения.

Анализ данных демографических показателей позволяет утверждать, что в целом данный показатель имеет тенденцию к увеличению, хотя в выборке имеется два государства, где этого не происходит, и он является достаточно стабильным. Тот факт, что именно в Азербайджане и Казахстане абсолютно преобладает мусульманское население, и коэффициенты рождаемости традиционно в последние десятилетия превышают соответствующие показатели в остальных государствах выборки, и объясняет данную особенность. Наивысшие значения приходятся на государства Балтии и превышают 18 %. Украина занимает четвертое место и вместе с Российской Федерацией, Молдовой и Беларусью входит в условную вторую группу государств со значениями около 15 %.

Заключение

По результатам проведенного исследования результатов социально-экономических преобразований Российской Федерации и Украины в рамках прохождения первой точки бифуркации и их влияния на формирование посттрансформационной экономики можно сделать следующие выводы:

— социально-экономические преобразования в государствах с командно-административной экономикой в результате прохождения первой точки бифуркации характеризуются весьма неоднозначными результатами. Абсолютным лидером, как в сфере экономических показателей, так и индикаторов качества жизни населения является Эстония, недалеко от нее отстали и другие государства Балтии, значительно опережая по многим показателям остальные государства;

— сравнение базовых экономических показателей Российской Федерации и Украины показывает, что в обоих государствах сформировалась похожая экономическая модель, где основным сектором экономики является сфера услуг, а в целом она может быть описана межсекторальной схемой «15-25-65». При этом социально-экономическое развитие Российской Федерации по сравнению с Украиной не только характеризуется более высокими значениями показателя ВВП на душу населения (по ППС) и индекса развития человеческого потенциала на конец анализируемого периода, но и лучшей динамикой в течение его. Украина является единственным государством в выборке, где показатель ВВП на душу населения (по ППС) снизился в течение исследуемого периода;

— сравнительный анализ показателей качества и безопасности жизни населения Российской Федерации и Украины не позволяет дать однозначную оценку. Продолжительность жизни в обоих государствах практически одинакова, увеличилась в последнее десятилетие, однако является наименьшей среди государств выборки. Значения показателей безопасности жизни населения лучше у Украины и находятся в середине диапазона выборки по сравнению с соответствующими российскими данными, вместе с тем в последнее десятилетие они улучшаются у обоих государств;

— в целом, результаты исследования прохождения Российской Федерацией и Украиной первой точки бифуркации не позволяют сделать однозначные положительные выводы, однако стоит заметить, что российские индекс развития человеческого потенциала и показатель валового внутреннего продукта на душу населения (по ППС) как важнейшие индикаторы социально-экономического развития характеризуются более высокими значениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вертакова Ю. В. Теоретические аспекты учета динамических характеристик социально-экономических систем в управлении региональным развитием / Ю. В. Вертакова, В. А. Плотников // Известия Русского географического общества. — 2011. — Т. 143. — № 6. — С. 42—50.

2. *Исаева Е. М.* Динамика воспроизводимых факторов производства в регионах России — экономический и институциональный аспекты / Е. М. Исаева, Л. М. Никитина, Ю. И. Трещевский // Регион: системы, экономика, управление. — 2013. — № 1 (20). — С. 21—31.

3. *Исаева Е. М.* Институциональная динамика региональных научно-образовательных систем / Е. М. Исаева, Л. М. Никитина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. — 2013. — № 1. — С. 63—71.

4. *Исаева Е. М.* Экономическая динамика институциональных подсистем регионов России / Е. М. Исаева, Л. М. Никитина, Ю. И. Трещевский // Современная экономика: проблемы и решения. — 2013. — № 1 (37). — С. 86—98.

5. *Майорова В. В.* Формирование стратегий на основе экономического анализа институциональных параметров регионов России / В. В. Майорова, Л. М. Никитина, Ю. И. Трещевский // Регион: системы, экономика, управление. — 2016. — № 3 (34). — С. 21—29.

6. *Майорова В. В.* Экономический анализ институциональных параметров социально-экономических систем / В. В. Майорова, Л. М. Никитина, Ю. И. Трещевский // Экономический анализ: теория и практика. — 2015. — № 36 (435). — С. 2—11.

7. *Мясникова Т. А.* Стратегирование социально-экономического развития муниципальных образований в регионах России: теория, методология, методическое обеспечение: монография / Т. А. Мясникова. — Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2015. — 271 с.

8. *Maria V. Tabachnikova* Public Authorities and Business on the Possibilities of Region's Development / Igor E. Risin, Yuri I. Treshchevsky, Maria V. Tabachnikova, and Galina N. Franovskaya // *Overcoming Uncertainty of Institutional Environment as a Tool of Global Crisis Management*. Springer. — 2017. — P. 55—62.

9. Results of Innovational Activities of Russian Regions in View of the Types of Economic Culture / Yuri Treshchevsky, Larisa Nikitina, Mikhail Litovkin, Valentina Mayorova // *Russia and the European Union Development and*

Perspectives Part of the series Contributions to Economics. Book. Contributions to Economics, 2017 PP. 47—53. ISBN: 978-3-319-55256-9 (Print) 978-3-319-55257-6 (Online)

10. *Tabachnikova M. B.* Analysis of economic optimism and pessimism of institutional groups in the region / M. B. Tabachnikova, Y. I. Treshchevskiy, A. A. Plugatyreva // *RJOAS: Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences*. SSUE 6(66), June 2017. pp. 175—184, Crossref DOI: <https://doi.org/10.18551/rjoas.2017-06.20>

11. *Гайдар Е. Т.* Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории / Е. Т. Гайдар. — М. : Дело, 2005. — С. 367—369.

12. *Полтерович В. М.* Трансформационный спад в России / В. М. Полтерович // Экономика и мат. методы. — 1999. — Т. 32. — № 1. — С. 54—69.

13. *Тамбовцев В. Л.* Государство и переходная экономика: пределы управляемости / В. Л. Тамбовцев. — М. : Экономика, 1997. — 312 с.

14. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма, открытое общество в опасности / Дж. Сорос. — М. : ИНФРА-М, 1999. — 262 с.

15. Архитектоника финансового пространства и его интеграционные приоритеты : монография / под ред. С. В. Климчук. — Симферополь : ДИАИПИ, 2013. — С. 114—115.

16. *Боровская Л. В.* Сущность и характеристика институциональных трансформаций и институциональных изменений / Л. В. Боровская // Известия Юго-Западного университета. — 2017. — Т. 21. — № 5. — С. 107—113.

17. Индекс развития человеческого потенциала / Официальный сайт Программы развития ООН [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-index-hdi>.

18. Программы развития ООН [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/undp/>

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Боровская Л. В., кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственных финансов и банковского дела
E-mail: vlnaumov@gmail.com